

72 20

Бюро Томского областного комитета
Коммунистической партии Советского Союза
гор. Томск.

Члена КПСС, пенсионера №28
Салтымакова Дмитрий Кондратьевича,
проживающего в гор. Томске
ул. Вершинина, №17^а, кв. 14.

Объяснение.

20 сентября 1956 года председатель Комиссии
Партийного контроля при Томском обкоме КПСС
тов. Войткок ознакомил меня с представителем
Военной прокуратуры Западно-Сибирского военного
округа, из которого видно, что судебные органы
ставят вопрос о привлечении меня к уголовной
ответственности "за фальсификацию следственных
дел" во время моей работы начальником
Котельниковского райотдела НКВД, в 1937 году.

По существу поставленных товарищем Войткок
вопросов даю следующее объяснение членам Бюро
Обкома партии.

В июле 1937 года под руководством УНКВД
по Запсибкраю было созвано экстренное опера-
тивное совещание начальников городских и
районных отделов-отделений и оперативных
отделов УНКВД, на котором ставился вопрос
о проведении массовой операции по выявлению
всех, враждебных Советской власти, элементов.

кулаков, актив сектантов и цуртовников, белоэвар-дейцев, карацисей, лиц подозреваемых в изведении диверсионно-вредительской, повстанческой, штыковской и других антисоветской деятельности, т.е. была поставлена задача - очистить города и районы от врагов Советской власти и тем самым ликвидировать базу, могущую служить подвешиванием кадров различных контр-революционных формирований.

Составе этой задачи, руководство НКВД, как мне помнится, ссылаясь на постановление ЦК ВКП(б) по этому вопросу.

Практически это предполагалось: по имеющимся в органах НКВД компрометирующим материалам составили списки антисоветских элементов по установленной форме, на основании этих списков получить санкцию районного (или городского - в городах) прокурора, после чего немедленно произвести аресты, оформить следственные дела и направить их на рассмотрение тройки УНКВД в гор. Новосибирск.

Следует заметить, что аресты по спискам, - это было по существу первый шаг к нарушению нормы Уголовно-процессуального кодекса, санкционированный Облпрокурором.

Районные отделы НКВД: Котельниковское, Шегарское, Асиновское и другие, прилегающие к гор. Томску, были подчинены по оперативно-следственной работе непосредственно бывш. Начальнику Томского Горотдела НКВД Овчинникову, который стал именоваться

начальником Оперативного сектора НКВД.

В процессе массовых операций Овчинников руководил следственной работой как в райцентрах, так и в указанных районных, давал указания о последующих арестах и методах следствия, утверждая обвинительные заключения и т.д.

Тогда на первом оперативном совещании в Новосибирске и не говорилось о методах следствия и мерах наказания в отношении подлежащих аресту лиц, я же был убежден и считал, что всех арестованных будут по решению тройки НКВД сослать в отдаленные места и стремился к тому, чтобы изолировать антисоветский элемент, мешающий укреплению колхозов и выполнению хозяйственно-политических мероприятий, и таким образом помочь районным партийным и советским органам вывести район из отсталых в передовые.

После совещания из Новосибирска, я переосмыслил все имевшее в районном отделении материала (оперативные разработки и др.), составил список, точно не помню на какое количество, но как же на 150 или 160 человек. В список были включены Жулаки, андусовский актив церковников и сектантов, участники Колыванского к.р. восстания, часть адисельных, б. белогвардейцы и т.п. проводившие андусовскую агитацию и высказывавшие повстанческие и террористические настроения.

24
45 -4-
41

Райпрокурор Котельниковского района Кокшаров,
просматривая список, найденный на заседании
на заседании в том же году о санкциониро-
вании ареста и поминки в списке
лица в июле - августе 1937 г. были арестованы.

В арестах участвовали: лично я, б. организаторско-
могущий РО НКВД Галовин, работник милиции
Ахитоменко и прибывшие в августе мес. 1937 г.
кураторы Новосибирской школы НКВД Блинов,
Берасимов, Богалев.

На всех арестованных были получены справки
Сельских советов, подтверждающие их социаль-
ное происхождение и положение, действова-
вшие свидетели.

Арестованные, по указанию НКВД, были
эвакуированы в Томскую тюрьму и допросы
их производились в г. Томске.

Нужно сказать, что сам наш арестованный про-
ведение всех этих мероприятий (арест, след-
ствие) в общем порядке, а человек
для следственной работы были отбракованы.

Нам, пяти следователям, был предоставлен
один большой зал в бывш. школе милиции
на Коммунистической улице, мы разделили
его на 5 частей и переродили партами
(забаррикадировали), слышимость была боль-
шая, с арестованными приходилось разгово-
ривать почти шепотом, поэтому они
предпочитали не давать никаких показаний
об антимосковской деятельности, как своей, так
и других лиц. Между тем ко мне уже стали

поступают копии показаний арестованных от Шенарского районного деления и Томского кофорта НКВД, свидетельствующие о том, что на территории Кожевниковского района существует к-р повстанческой монархической организации.

Тесно завязав, являясь членом ^{Бюро} Обкома партии, что в начале операции я и подчиненные мне следователи проводили арестованных по правилам закона, по существу и вешивая у нас на шею, сидели бесцеремонно почти целыми сутками с одними и теми же обвинителями, но дело не шло, т. к. следствие требует не только упрощения и нахождения, но и определенного времени и соответствующих условий. Я руководя УНКВД и Ойрсектора (Обвинитель) не считал ни с чем, требовали, чтобы дела поступали ежедневно безперерывным потоком, по 8-10 дел в день от каждого следователя.

В августе 1937г. Обвинитель вызвал меня к себе в кабинет и спросил, сколько дел я и мои следователи закончили и на сколько человек. Я ответил, что пока еще ни одного дела не закончено, потому что условий для самостоятельной работы не создано, да и времени еще не достаточно (имело 7-10 дней).

Обвинитель дал мне срок 5 дней и предупредил, чтобы в течение этого срока от нас поступило ряд дел.

Об этом задании я рассказал подчиненным мне следователям и предложил работать

с арестованными более настойчи́во, не применяя однако физических мер воздействия.

В течение этих 5 суток один или двое следователей получили признательное показание как жежд двух обвиняемых об их ограниченной антисоветской деятельности. Но полностью закончить отбить-таки ни одного дела не удалось. Отел 3 и далотки Овчинникову, будучи вывезенны к нему в кабинет по истечении пятидневного срока.

Вслушав меня, Овчинников вдругался нецензурно, назвал меня отпортиunistом и пообещал расстрелять со мной, если я "буду продолжать саботировать мероприятия партии и правительства".

Он тогда заявил мне примерно так: "Ты отпортиunist, ты не желаешь вести борьбу с контр-революцией, саботируешь мероприятия партии. Я так растоплю тебя в характеристике, разделаю как бог черепашу, что тебе на земле места не будет. У нас в Вологде один следователь даел по 10 дел в сутки, а от тебя и твоих следователей в течение 10 дней не поступило ни одного дела. Сколько же лей потребуются тебе, чтобы закончить следствия по делам всех арестованных при таких ваших темпах? Если так будешь продолжать работать и дальше, то я поставлю о тебе вопрос перед начальником Управления НКВД и т.п."

Я тогда совершенно не понимала, как можно закончить следствие по 10 делам в сутки, т. к. все время, начиная с 1928 г. работая в райорганах самостоятельно и была противником каких-либо элементов формализации дел.

На мои возражения, что не представляю каким образом можно закончить за сутки на одного следователя и, что прежде чем обвинять меня в отторгнутизме и нежелании вести борьбу с контр-революцией, вы научите и помогите мне, создайте необходимые условия,

Овчинников мне заявил: «Мы старый казачий орган и должны знать, как надо бороться с контр-революцией, а если не знаешь, то иди к нашему молодому следователю и поучись у него». (Он назвал фамилию этого следователя, дававшего по 10 дел в сутки, но я забыл и вспомнить не могу.)

Как мне помнится, при этой «передачке» (нападках Овчинникова на меня) присутствовали Б. Кар. Меларского Ю НКВД Лужкин и другие.

Получив признательные показания 1-2 обвиняемых, мы стали использовать их при допросе других арестованных и последние легче пошли на признания и давали показания. Однако, я считаю, что темное следствие увеличилось не только потому, что мы получили первые признательные показания, но главным образом, потому что Ставским вридделом НКВД была организована

и проводилась активная внутрикадровая агентурная обработка арестованных, в результате которой они почти бесприкословно соглашались давать показания о своей и других лиц Антисоветской деятельности.

Последующие, дополнительные аресты производились по указаниям руководства УНКВД и Оидсектора (Малышев, Обвинников), на основании изобличительных показаний ранее арестованных.

Эти аресты производились курсантами Зоголевым, Блиновым, Федасиловым, работниками милиции Якименко и др. по молчаливому поручению.

При этом, лично давались эти же сотрудникам указания, чтобы они предварительно проверили социально-политическое лицо подлежащих аресту и подтверждали сведения Сельсоветов и характеристиками колхозов, а лиц социально близких (бедняков, середняков) аресту не подвергать.

Я всецело полагался на сотрудников, которые должны были производить аресты и вести следствие, верить им, а проверить правильность их действий при всегдах на месте, в населенные пункты не имел никакой возможности, т. к. сам был перегружен следственной работой.

При такой обстановке и мере следственной работы, какие существовали в 1937 году, возможно, были допущены серьезные ошибки, неправильные аресты социально-близких людей, т. к. ранее арестованные, давая показания о своих предшри-

ных связей, утверждая, что эти связи их происхо-
дят из кулацкой или иной Соц. чуждой среды, а
Сметевеж^{всмысле} механически подтверждает это.

Военная Прокуратура и Судебные органы обвиня-
ют меня в нарушении Советской законности.

Да, товарищи члены бюро Обкома, я признаю,
что допуская в 1937 году серьезные нарушения
норм уголовно-процессуального кодекса
в части неведомого первоначального допроса
обвиняемых и предъявления им постановлений
на арест, в части неприменения мер к проверке
и документации данных арестованных
показаний о фактах преступной дея-
тельности.

Но ведь это же не мое инициатива,
не мое желание нарушить Советскую
законность. Тогда была такая обстановка
и система, при которой не возможно
было соблюдать все нормы УПК и проводить
показания арестованных. Об этой системе
тогда знали органы Прокуратуры, почему
же они не добивались своевременно
исправления и устранения ошибок и почему
в настоящее время Сударовский отталкивает
от дел 1937 года, за которыми они вели наблюдение?

От нас требовали, чтобы мы давали
законные следственные дела немедленно
беспрерывным потоком. Кроме того были
прямые указания руководства НКВД и
Обвинителя - заканчивать и передавать

на тройку УНКВД дела при наличии только показаний обвиняемых, изобличающих друг друга в преступной, контрреволюционной деятельности, без их проверки, без подтверждений свидетельскими показаниями, актами и другими документами.

Допускаю, что при такой системе (настойчивость следователей, камерная агентурная обработка, окончание следственных дел без проверки показаний арестованных и т. п.) некоторые обвиняемые могли давать вопреки своему показанию как на себя так и на других лиц.

Меня обвиняют в фальсификации дел на Соболева, Лодоренко и других.

Откровенно заявляю, что по этим и другим конкретным делам дать объяснение затрудняюсь, так как за давностью времени совершенно не помню сейчас, как и на основании чего они были арестованы.

Что же касается отказа ряда свидетелей от своих показаний, данных ими в 1937 году, то я объясню это в основном большим изменением обстановки.

В тот период все коммунисты и беспартийной акцией были мобилизованы партийными и советскими органами на повышение большевистской бдительности и активную помощь органам НКВД

в вооружении кулацко-белогвардейских, сектантских и других антигосударственных элементов, и возможно некоторые свидетели давали ^{или представляли факты,} вольнолюбивые показания, в первую очередь неправомерно допущенных ошибок, они отказываются от своих показаний. (Мне известна примета, когда свидетели еще в 1940-1941 гг. при проверке дел 1937 года, подтверждали свои показания, а позднее, при повторной проверке, отказывались от них).

Повторю, что в подчиненной мне следственной группе составили 3 молодых, неопытных кулацка Новосибирской школы НКВД и Огнерупономощенный Кожениковской в НКВД Головин, но последний в отделе или подразде 1937 года по моей инициативе был отстранен от дела и осужден за подделку подписи обвиняемого на протоколе допроса.

В целях проверки составленных документов следственных дел, мною также были привлечены к этой работе работники Фельдман, ЗИСС'а, бюро неправа. труд. работ, участвовавшие вместе с наименьшим количеством ошибок. Правда, все они в основном были заняты на запоминании анкетыных данных на арестованных, но и эти данные имеют большое значение.

Во, товарищи, возможно спросите меня, почему я составил вначале указания в наркомне Советской законности?

Во-первых, я знал, что в тройке, кроме начальника НКВД, составили Област.

83 31 12.1

ной прокуратурой и Александром Крайковым (а позднее
Обкома) ВКП(б) и считал, что все указания
об арестах и методах следствия (упрощенных
методах) исходили не без их ведома и
согласия;

Во-вторых, чтобы я смог сделать один
против такой системы?

Поводом меня было областное Коммунистическое
КПСС. В своем объявлении я изложил
в основном все, что смог воссоздать в
памяти, правдиво и откровенно.

Примерно так же объявление я уже
давал Военному трибуналу войск НКВД
в Новосибирске в июне 1938 или 1939 года
(точно не помню), в присутствии Обвинитель-
ского, во время рассмотрения его дела,
по которому он осужден.

Прошу Вас, к рассмотрению моего
дела отнестись объективно, учесть
обстоятельства, в которых приходилось рабо-
тать в 1937 году и вынести справедливое
решение, оставив меня в рядах Ком-
мунистической партии Советского Союза,
членом которой я состою с 1925 года и
благодаря которой вышел из нищеты в люди.

Всю свою сознательную жизнь я волевым путем
в духе неговоря к врагам Советской власти, и лично
сформировано выдерживать даже все, что на палубу
испытаний, проводимых партией и
Советским правительством, не утрачивая своих
сил и здоровья. И ввиду, что состояние

85 зр.

84 зр. 13.-

моего здоровья уже судко пошатнулось, надеюсь,
что Силону еще быть полезном для Таджики
и Советского Правительства.

Учен Кнес, (н/с. №00974914)

Самсетдилов

24 Сентября 1956 года.